

Стивен Кинг

Велотренажер

*Часть сборника
После заката (сборник)*

Стивен Кинг

Велотренажер

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402405

После заката : [сб.: пер. с англ.] / Стивен Кинг: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-33060-5

Аннотация

«Через неделю после профилактического обследования, с которым он тянул год (три, поправила бы жена, будь она жива), Ричарду Зифкицу позвонил доктор Брейди и сказал, что надо обсудить результаты. Пациент не услышал в голосе врача ничего явно зловещего, поэтому в клинику поехал без особого внутреннего сопротивления...»

Содержание

I. Работники метаболизма	4
II. Велотренажер	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Стивен Кинг

Велотренажер

I. Работники метаболизма

1

Через неделю после профилактического обследования, с которым он тянул год (три, поправила бы жена, будь она жива), Ричарду Зифкицу позвонил доктор Брейди и сказал, что надо обсудить результаты. Пациент не услышал в голосе врача ничего явно зловещего, поэтому в клинику поехал без особого внутреннего сопротивления.

Все анализы на листе с шапкой: «КЛИНИКА МЕТРОПОЛИТЕН, НЬЮ-ЙОРК» были напечатаны черным, за исключением одной строчки, красной, и Зифкиц не очень удивился, увидев в ней слово «Холестерин». Строчка сразу притягивала взгляд (явно намеренно). Она заканчивалась числом 226².

Зифкиц почти открыл рот, чтобы спросить, плохой ли это показатель, потом задумался, хочет ли в самом начале разговора сморозить глупость. Хороший результат, рассудил он, красным не выделяют. Остальные показатели явно хорошие

¹ Stationary Bike // © Перевод. Е. Доброхотова, 2010

² 5,8 ммоль/л.

или по крайней мере приемлемые, поэтому напечатаны черным. Его пригласили сюда обсуждать не их. Доктора – люди занятые и не тратят время на то, чтобы гладить пациентов по головке. Поэтому он не стал задавать глупых вопросов, а спросил, очень ли плохое число двести двадцать шесть.

Доктор Брейди откинулся в кресле и сцепил пальцы на худосочной груди.

– Сказать по правде, – произнес он, – показатель совсем не плохой. – Затем поднял палец. – Учитывая, что вы едите, я имею в виду.

– Я знаю, что слишком много вешу, – смиренно проговорил Зифкиц. – Я давно планирую заняться этим вопросом.

Вообще-то ничем таким он заниматься не планировал.

– Если совсем по правде, – продолжал доктор Брейди, – ваш вес тоже не так уж плох. Опять-таки учитывая, что вы едите. А теперь я попрошу вас слушать очень внимательно, потому что такую беседу я провожу с пациентами один раз. Я имею в виду, с пациентами-мужчинами. Пациентки, дай им волю, своим весом все бы уши мне прожужжали. Вы готовы?

– Да. – Зифкиц тоже хотел сплести пальцы на груди и понял, что не может. Он обнаружил – вернее, вспомнил, – что у него довольно отчетливо выраженный бюст. Не то, что принято считать стандартным атрибутом сорокалетнего мужчины. Почти сорокалетнего. Поэтому он бросил попытки сцепить пальцы, а просто сложил руки. На коленях. Чем быстрее лекция начнется, тем быстрее она кончится.

– Вам тридцать восемь лет. Ваш рост – шесть футов³, – сказал доктор Брейди. – Вы должны весить около ста девяноста⁴, и примерно таким же⁵ должен быть ваш холестерин. Когда-то, в семидесятых, нормой считался холестерин до двухсот сорока⁶, но то семидесятые, когда в приемных больниц еще разрешали курить. – Он покачал головой. – Нет, связь между уровнем холестерина и сердечно-сосудистыми заболеваниями оказалась слишком явной. Число двести сорок вычеркнули.

Вам повезло. У вас хороший метаболизм. Не превосходный, но хороший, понимаете? Да. Как часто вы едите в «Макдоналдсе» или «Вендиз», Ричард? Два раза в неделю?

– Скорее один, – сказал Зифкиц.

Он подумал, что за неделю обедает в фастфудах от четырех до шести раз, не считая воскресных походов в пиццерию.

Доктор Брейди поднял руку, словно говоря: «Вам решать», и Зифкицу подумалось, что это похоже на девиз «Бургер-Кинг».

– Где-то вы точно едите, как говорят нам весы. В день обследования вы весили двести двадцать три⁷... и опять-таки не случайно почти такой же у вас холестерин.

³ 180—185 см.

⁴ Примерно 85 кг.

⁵ Примерно 5 ммоль/л.

⁶ Примерно 6 ммоль/л.

⁷ Примерно 100 кг.

Он чуть заметно улыбнулся, увидев, как поморщился Зифкиц, но по крайней мере улыбка была не лишена сочувствия.

– Вот что пока происходило в вашей взрослой жизни, – сказал Брейди. – Вы продолжали есть, как подросток, и ваше тело – благодаря хорошему, пусть и не превосходному метаболизму – более или менее с этим справлялось. Будет проще, если представить метаболический процесс как команду рабочих – дядек в хэбэшных штанах и докмартенсах.

Вам, может, и проще, с тоской подумал Зифкиц, невольно косясь на красное число двести двадцать шесть, а мне – нет.

– Их дело – разбирать то, что вы бросаете в себя. Часть они отправляют в разные производственные цеха. Остальное сжигают. Если вы задаете им больше работы, чем они в силах сделать, вы полнеете. Что и происходит, но относительно медленно. Пока. Однако очень скоро, если вы не измените привычки, вес будет расти быстрее. Причин две. Первая: вашим производственным мощностям уже не надо столько горючего. Вторая: ваша метаболическая команда – работяги с татуировками на плечах – не молодеет. Они теперь не такие шустрые, не так быстро сортируют, что пустить в дело, а что сжечь. А иногда они на все забивают.

– Забивают? – переспросил Зифкиц.

Доктор Брейди, не расцепляя пальцев перед узкой грудью (как у чахоточного, подумал Зифкиц – и уж точно без намека на бюст), кивнул такой же узкой головой. Зифкиц подумал,

что она у него, как у ласки, такая же прилизанная, с острыми глазами.

– Да. Они говорят: «Сколько можно?» и «Он что думает, мы – Фантастическая Четверка?» и «Даст он нам когда-нибудь отдохнуть или нет?» А потом один, любитель посачковать – в любой команде такой есть, – говорит: «Да плевал он на нас с высокой колокольни. Начальничек хренов».

Рано или поздно, как всякие работяги, которым придется слишком долго вкалывать без выходных, не говоря уж об отпуске, они начинают филонить или тянуть резину. Как-нибудь один из них не выйдет совсем. А потом – если вы проживете достаточно долго – один из них не выйдет, потому что ночью его хватил инсульт или инфаркт.

– Очень мило. Вам надо с лекциями выступать. Может, даже завести свое телешоу, как у Опры Уинфри.

Доктор Брейди расцепил пальцы, подался вперед и без улыбки посмотрел на Ричарда Зифкица.

– У вас есть выбор, и моя обязанность – вам об этом сказать. Вот и все. Либо вы измените свои привычки, либо через десять лет вы будете сидеть у меня в кабинете с куда более серьезными проблемами: вес под триста фунтов, возможно, диабет второго типа, варикоз, язва желудка и холестерин под стать весу. Сейчас, чтобы остановиться, вам еще не нужны краш-диеты, абдоминальная хирургия или сердечный приступ. Позже будет труднее. После сорока – труднее с каждым годом. После сорока, Ричард, жир уже с вами навсегда, как

детская неожиданность на обоях спальни.

– Изящно. – Ричард Зифкиц невольно хохотнул.

Брейди не рассмеялся, но хотя бы изобразил улыбку и откинулся в кресле.

– Нет ничего изящного в том, к чему вы идете. Врачи говорят об этом не чаще, чем спасатели – об оторванной голове в канаве после автомобильной аварии или о почерневшем детском трупе в доме, где загорелась новогодняя елка, но мы много что могли бы рассказать про дивный мир ожирения. Про женщин, у которых в складках жира заводится плесень, потому что они годами не промывают их на всю глубину. Про мужчин, от которых разит за милю, потому что они десять с лишним лет не могут как следует подтереться.

Зифкиц поморщился и замахал рукой.

– Я не говорю, что такое произойдет с вами, Ричард, – с большинством людей не происходит. У них, похоже, есть встроенный ограничитель. Однако есть правда в старой сказке, что такой-то роет себе могилу ножом и вилкой. Учтите.

– Учту.

– Хорошо. Вот речь. Или проповедь. Или что хотите. Я не буду говорить: «Иди и больше не греши». Я скажу: «Дело ваше».

Хотя Ричард Зифкиц последние двенадцать лет в графе «Род занятий» налоговой декларации писал «Свободный художник», он не считал себя человеком с особенно богатым

воображением и не рисовал для души с тех пор, как окончил университет. Он делал книжные обложки, иногда киноплакаты, много журнальных иллюстраций, изредка – выставочные проспекты. Один раз оформил компакт-диск (для «Слоббербон», группы, которую особенно любил), но зарекся брать такие заказы впредь, потому что детали отпечатанного варианта можно было разглядеть только в лупу. Это был единственный случай, когда он проявил хоть что-то похожее на артистический темперамент.

На вопрос, какую из своих работ он любит больше всего, Зифкиц бы только заморгал. Прояви собеседник настойчивость, он мог бы назвать белокурую девушку, бегущую по траве, которая теперь украшала кондиционер для белья «Нежность». Но не искренне, а просто чтоб отвязались. Зифкиц был не из тех художников, которые что-то выделяют в своем творчестве. Уже давно он брался за кисть, только получив заказ, и работал либо по письму из рекламного агентства, где все расписано в подробностях, либо по фотографии (как с той девушкой, которая бежала по траве, счастливая, что юбка больше не липнет к ногам).

Однако как вдохновение посещает лучших из нас – Пикассо, Ван Гогов, Сальвадор Дали, – так же оно иногда посещает и остальных, пусть раз или два за жизнь. Зифкиц поехал из клиники на автобусе (машины у него не было с колледжа) и, глядя в окно (медицинский отчет с одной красной строкой лежал, сложенный, в заднем кармане брюк), то и де-

ло останавливался взглядом на рабочих: строителях с досками на плече, коммунальщиках в люках за желтой лентой с надписью «Ремонтные работы», трех парнях, возводивших леса перед витриной универмага, пока четвертый говорил по сотовому.

Постепенно стало ясно, что в голове складывается картина, требующая себе места в мире. Вернувшись на свой манхэттенский чердак, превращенный в квартиру-мастерскую, Зифкиц прошел в неприбранный закуток под мансардным окном мимо лежащей на полу почты. И не только не нагнулся, но даже бросил на нее плащ.

Он задержался перед готовыми подрамниками в углу, потом взял вместо холста кусок белого картона и принялся работать угольным карандашом. В следующий час дважды звонил телефон. Оба раза Зифкиц не брал трубку – пусть, если надо, говорят на автоответчик.

Он работал над картиной следующие десять дней – не все время, но большую его часть, особенно после того, как понял, что получается и впрямь здорово. Сперва на картоне, потом, когда почувствовал, что пора перенести ее в масло – на холсте четыре на три фута. Он не писал таких больших полотен последние десять лет.

На картине четверо рабочих в джинсах, ветровках и старых ботинках стояли на обочине дороги, только что вынырнувшей из леса (его Зифкиц изобразил размашистыми темно-зелеными и серыми мазками). Двое были с лопатами,

один держал в руке ведро. Четвертый отодвигал со лба кепку жестом, в котором явственно читались усталость и растущее осознание, что работа никогда не закончится: в конце дня ее больше, чем было в начале. Этот четвертый, в старой кепке с надписью «ЛИПИД» над козырьком, был бригадир. Он говорил по сотовому с женой. Скоро буду, зайка, нет, сегодня не пойдем, слишком устал, хочу завтра начать пораньше. Ребята возбужали, но я их приструнил. Зифкиц не представлял, откуда он это знает. Просто знает, и все. Как и то, что рабочего с ведром зовут Фредди, и ему принадлежит пикап, в котором они приехали. Машины на картине не было – она стояла правее, виден был только кусок ее тени. Один из парней с лопатами, Карлос, мучился болями в спине и посещал мануальщика.

Фронта работ на картине не было – он располагался чуть левее, но видно было, как ребята умаялись. Зифкиц всегда тщательно прописывал детали (серо-зеленое пятно леса выбивалось из его обычной манеры). Усталость была в каждой черточке их лиц. Даже в пропотевших воротниках.

Небо над ними было странным органически-красным.

Конечно, он знал, что означает картина и почему небо такого цвета. Это были работяги, о которых говорил доктор. В конце трудового дня. В настоящем мире за органически-красным небом, их хозяин, Ричард Зифкиц, только что последний раз перекусил (завалившимся в холодильнике куском торта или заранее припасенным пончиком «Кри-

спи-Крим») и лег головой на подушку. Значит, они могут, наконец, расходиться по домам. Будут ли они есть? Да, но меньше, чем он. Они слишком устали для плотного ужина, это видно по их лицам. Ребята из «Липидной компании» завалятся на диван и будут смотреть телик. Может быть, заснут перед экраном и проснутся часа через два, когда все нормальные шоу закончатся, и Рон Попейл будет демонстрировать восхищенной студийной аудитории свои чудо-овощерезки и универсальные крышки для банок. Тогда они пультом выключат телевизор и побредут в спальню, на ходу сбрасывая одежду куда попало.

Все это было на картине, хотя ничего этого не было на картине. Нельзя сказать, что Зифкиц только о ней и думал с утра до вечера, но он понимал – в его жизни появилось что-то новое, хорошее. Он представления не имел, что делать с картиной, когда допишет, да и не особо задумывался. Пока ему просто нравилось вставать по утрам и щуриться на нее одним глазом, вытаскивая из задницы застрявшие боксерские трусы «Биг-Дог». Потом надо будет придумать название. Он перебрал и отбросил несколько вариантов: «По домам», «Ребята сказали: «Кончай работу» и «Берковиц сказал: «Шабаш». Берковиц был главный, бригадир, тот, что с «Моторолой», в кепке с надписью «ЛИПИД».

Ни одно из названий не казалось вполне правильным, но Зифкиц не огорчился. Он знал, что не пропустит правильное – когда оно придумается, в голове раздастся щелчок. А по-

ка Зифкиц никуда не спешил. Он даже не был уверен, что картина – главное. Работая над ней, он сбросил пятнадцать фунтов. Может, это и есть главное.

А может, и нет.

II. Велотренажер

Где-то (может быть, на ярлычке от чайных пакетиков «Са- лада») Зифкиц прочел, что лучший способ похудеть – отжи- маться от стола. Он не сомневался, что это правда, но чем дальше, тем больше приходил к выводу, что похудание – не цель. Как и занятия спортом – не цель, хотя и от того, и от другого могут быть побочные эффекты. Он постоянно думал о метаболических работагах доктора Брейди – простых ре- бятах, которые вкалывают изо всех сил и не получают от него никакой помощи. Да и как было не думать, если он каждый день по часу, а то и по два писал самих рабочих и обстанов- ку, в которой они трудятся.

Зифкиц много чего про них придумал. Вот Берковиц, бригадир, он мечтает когда-нибудь организовать собствен- ную строительную компанию. Фредди, владелец грузовичка (пикапа «додж-рам»), воображающий себя столяром-умель- цем. Карлос, который с больной спиной. И Уэлан, любитель посачковать. Их дело – следить, чтобы Зифкица не хватил инфаркт или инсульт. Разгрести то дерьмо, что сыплется с красного неба, чтобы дорога в лес не сделалась непроезжей.

Через неделю после начала работы над картиной (и за неделю до того, как он наконец признал ее законченной), Зифкиц отправился в «Фитнес бойз» на Тридцать девятой улице. Посмотрев беговую дорожку и степпер (симпатич-

ный, но слишком дорогой), он купил велотренажер, заплатив лишние сорок фунтов за доставку и сборку.

– Занимайтесь каждый день в течение шести месяцев, и ваш холестерин упадет на тридцать единиц, – сказал продавец, мускулистый парень в футболке с надписью «Фитнес бойз». – Я практически гарантирую.

Подвал дома, в котором жил Зифкиц, был темный, мрачный, с множеством дверей и постоянно гудел от отопительного котла. В кладовках с номерами квартир хранились вещи жильцов, однако тупичок в самом конце, как по волшебству, оставался пустым. Словно нарочно его ждал. Зифкиц велел грузчикам поставить тренажер на цементный пол перед гладкой бежевой стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.